
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЕМАТИЧНИ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

Советский Союз как объект исторического исследования
Савецкі Саюз як аб’ект гістарычнага даследавання
The Soviet Union as an object of historical research

УДК 32:94[(470+571)+477]:«1932-1933»

«ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ»: ГОЛОД 1932–1933 гг.
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ УКРАИНЫ И РОССИИ

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ¹⁾, М. ШМИГЕЛЬ²⁾, Л. ДУБИНКО-ГУЩА³⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Университет Матейя Бела, ул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бистрица, Словакия

³⁾Копенгагенская высшая школа экономики, Порцелансхавен, 24Б, 4.53С, 2000, г. Фредериксберг, Дания

Анализируется историческая политика Украины и России на современном этапе. Применяется методология *historical memory studies*, т. е. исследование исторического сознания, коллективной памяти, исторической памяти. Методология основана на анализе ситуации, когда представления о прошлом, национальной истории зависят от

Образец цитирования:

Меньковский ВИ, Шмигель М, Дубинко-Гуща Л. «Голодные игры»: голод 1932–1933 гг. в исторической политике Украины и России. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;4:7–20.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-7-20>

For citation:

Menkovski VI, Šmigel' M, Dubinka-Hushcha L. The hunger games: famine 1932–1933 in the historical policy of Ukraine and Russia. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;4:7–20. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-7-20>

Авторы:

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Михал Шмигель – кандидат наук (история), доцент; доцент философского факультета.

Лизавета Дубинко-Гуща – кандидат наук (история); ассистент кафедры международной экономики, государственного управления и бизнеса.

Authors:

Viachaslau I. Menkovski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.

menkovski@bsu.by

Michal Šmigel', PhD (history), docent; associate professor at the faculty of arts.

michal.smigel@umb.sk

Lizaveta Dubinka-Hushcha, PhD (history); assistant at the department of international economics, government and business.

ld.egb@cbs.dk

ментальности и целеполагания конкретной социальной, национальной или иной группы. Исследуется современная общественно-политическая ситуация в Украине и России, связанная с осмыслением и оценкой голода 1932–1933 гг. как в Советском Союзе в целом, так и в Украине в частности. Рассматривается современная мемориальная культура двух государств, в качестве центральных проблем выделяются вопросы региональной и национальной идентичности, формирование мифов национальной памяти. Изучается трансформация мемориальных практик и законодательной базы России и Украины после распада Советского Союза. Делается вывод о том, что дискуссия российской и украинской сторон сегодня превратилась в выстраивание схемы реверсивной истории, основанной на проекции настоящего положения дел в прошлое. Отмечается, что в силу закрытости российских архивов найти принципиально новые свидетельства не представляется возможным и стороны часто прибегают к государственно-националистической аргументации. Обыгрывая название известного голливудского блокбастера, мы можем говорить о том, что «голодные игры» стали реальностью в современной политике памяти постсоветских государств.

Ключевые слова: Украина; Россия; голод 1932–1933 гг.; голодомор; геноцид; историческая политика; мемориальная культура; историография.

«ГАЛОДНЫЯ ГУЛЬНІ»: ГОЛАД 1932–1933 ГГ. У ГІСТАРЫЧНАЙ ПАЛІТЫЦЫ УКРАЇНЫ І РАСІІ

В. І. МЕНЬКОЎСКИ^{1*}, М. ШМИГЕЛЬ^{2*}, Л. ДУБІНКА-ГУШЧА^{3*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Універсітэт Мацея Бела, вул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бістрыца, Славакія

^{3*}Kapenгагенская вышэйшая школа эканомікі, Парцелансхавен, 24В, 4.53С, 2000, г. Фрэдэрыксберг, Данія

Аналізуецца гістарычная палітыка Украіны і Расіі на сучасным этапе. Выкарыстоўваецца метадалогія *historical memory studies*, гэта значыць даследаванне гістарычнай свядомасці, калектыўнай памяці, гістарычнай памяці. Метадалогія заснавана на аналізе сітуацыі, калі ўяўленні аб мінулым, нацыянальнай гісторыі залежаць ад ментальнасці і мэтапалагання канкрэтнай сацыяльнай, нацыянальнай ці іншай групы. Даследуецца сучасная грамадска-палітычная сітуацыя ва Украіне і Расіі, звязаная з асэнсаваннем і ацэнкай голоду 1932–1933 гг. як у Савецкім Саюзе ў цэлым, так і ва Украіне ў прыватнасці. Разглядаецца сучасная мемарыяльная культура дзвюх дзяржаў, у якасці цэнтральных праблем вылучаюцца пытанні рэгіянальнай і нацыянальнай ідэнтычнасці, фарміраванне міфаў нацыянальнай памяці. Даследуецца трансфармацыя мемарыяльных практык і заканадаўчай базы Расіі і Украіны пасля распаду Савецкага Саюза. Робіцца выснова аб тым, што дыскусія расійскага і ўкраінскага бакоў сёння пераўтварылася ў выбудоўванне схемы рэверсіўнай гісторыі, заснаванай на праекцыі сучаснага становішча спраў у мінулае. Адзначаецца, што па прычыне закрытасці расійскіх архіваў знайсці прынцыпова новыя сведчанні не ўяўляецца магчымым і бакі ўсё часцей звяртаюцца да дзяржаўна-нацыяналістычнай аргументацыі. Абагульваючы назву вядомага голівудскага блокбастера, мы можам казаць пра тое, што «галодныя гульні» сталі рэальнасцю ў сучаснай палітыцы памяці постсавецкіх дзяржаў.

Ключавыя словы: Украіна; Расія; голод 1932–1933 гг.; галадамор; генацыд; гістарычная палітыка; мемарыяльная культура; гістарыяграфія.

THE HUNGER GAMES: FAMINE 1932–1933 IN THE HISTORICAL POLICY OF UKRAINE AND RUSSIA

V. I. MENKOUSKI^a, M. ŠMIGEL^b, L. DUBINKA-HUSHCHA^c

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bMatej Bel University, 12 Narodna Street, Banska Bystrica 97401, Slovakia

^cCopenhagen Business School, 24B Porcelænshaven, 4.53C, Frederiksberg 2000, Denmark

Corresponding author: V. I. Menkovski (menkovski@bsu.by)

The modern historical policy of Ukraine and the Russia is analysed. The study uses the methodology of historical memory studies, specifically, research of historical consciousness, collective and historical memory. The methodology is based on the analysis of a situation when ideas about the past as national history depend on the mentality and goal setting of a particular social, national or other group. The object of the study is the modern socio-political situation in Ukraine and Russia associated with the understanding and assessment of the famine of 1932–1933 both in the Soviet Union as a whole, and in Ukraine in particular. The authors consider the modern memorial culture of the two nations, highlight issues of regional and national

identity and the formation of myths of national memory as central issues in the paper. The transformation of memorial practices and the legal framework of the Russia and Ukraine after the collapse of the Soviet Union is considered. The authors arrive at the conclusion that the discussion between the Russian and Ukrainian sides to this day has turned into constructing a scheme of the «reverse history» based on the projection of the present state of affairs into the past. It is not possible to find any fundamentally new evidence as long as the Russian archives remained classified, and the parties increasingly resort to a nationalist type of argumentation. Punning on the name of the famous Hollywood blockbuster, we can say that the «hunger games» have become a reality in the modern politics of memory of post-Soviet states.

Keywords: Ukraine; Russia; famine of 1932–1933; Holodomor; genocide; historical policy; memorial culture; historiography.

Не видя личностей, мы видим лишь цифры: тысячи умерших, сотни тысяч умерших, «число жертв может достигнуть миллиона». Прибавьте к статистическим данным мысли и чувства отдельных личностей, и они обратятся в людей.

Н. Гейман. Американские боги

Введение

На всем протяжении мировой истории голод был и остается одной из острейших проблем человечества. Даже в современный постиндустриальный период угроза голодной смерти для жителей многих стран и регионов по-прежнему сохраняется. В 2020 г. представители Всемирной продовольственной программы ООН (ВПП ООН) предупредили членов Совета Безопасности ООН об угрозе голода библейского масштаба примерно для 25 стран мира. Мировое сообщество ищет пути спасения голодающих и не ослабляет внимания к этой проблеме. В 2020 г. ВПП ООН стала лауреатом Нобелевской премии мира. Эта премия, отметил Нобелевский комитет в Осло, присуждена созданной в 1961 г. по инициативе Президента США Д. Эйзенхауэра организации не только «за усилия в борьбе с голодом», но и «за вклад в улучшение условий по достижению мира в конфликтных регионах и за деятельность в качестве движущей силы в предотвращении использования голода как оружия войны и конфликтов»¹.

В советской истории самым трагическим периодом голода стала первая половина 1930-х гг. По оценкам демографов, голод 1932–1933 гг. стал причиной смерти 8,7 млн человек в СССР. Около 98 % потерь пришлось на три советские республики: Украину (3,9 млн человек), Россию (3,3 млн) и Казахстан (1,3 млн). В Казахстане потери от голода составили 22 % от общей численности населения, в Украине – 17 %, в России – 3 %, в остальных республиках – менее 2 % населения [1, с. 87].

Отличие голода 1930-х гг. от голода начала 1920-х гг. заключалось не только в большем числе жертв, но и в том, что сам факт голода отрицался в официальной пропаганде. Серьезных мер по его преодолению принято не было. Если в 1920-х гг. советское правительство разрешило общественным деятелям обратиться за помощью к Западу, то в голодных 1930-х гг. хлеб вывозился из СССР за границу. По мнению российских исследователей, можно было предотвратить массовую смертность от голода только за счет использования запасов и прекращения экспорта [2, с. 34]. Н. А. Ивницкий подчеркивал: «В Советском Союзе в течение многих десятилетий о голоде ничего не говорилось. Это был поистине секретный голод! <...> Сталин знал о голоде в стране (по сводкам ОГПУ, докладам секретарей обкомов и крайкомов, письмам с мест), но мало что делал, чтобы хотя бы смягчить голод. Более того, в феврале 1933 г. на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников он заявлял, что «главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них». И это говорилось тогда, когда миллионы крестьян голодали и умирали!»².

Важным аспектом является персональная позиция советских лидеров. По мнению О. В. Хлевнюка, «...несмотря на критичность ситуации, Сталин не сталкивался с серьезными вызовами в руководящей верхушке партии-государства. Сталинские соратники, в полной мере разделявшие ответственность за голод и разруху, предпочитали тактику сплочения

¹Нобелевская премия мира – 2020. Что нужно знать о ее лауреате [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/nobelovskaja-premija-mira-2020-chto-nuzhno-znat-o-ee-laureate/a-55221313> (дата обращения: 02.02.2021).

²Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (дата обращения: 02.02.2021).

вокруг вождя» [3, с. 128]. «Пока ни один архивный документ не дает хотя бы косвенных подтверждений концепции раскола в политбюро» [3, с. 156]. Советские руководители были едины также в стремлении замолчать, скрыть как масштабы трагедии, так и сам факт голода. «Голод 1932–1933 гг. отличался именно тем, что его пытались скрыть, население не только было брошено на произвол судьбы, но и стало объектом террора голодом, а международный резонанс этой катастрофы был приглушен усилиями западных политиков, журналистов, широких кругов просоветских западных интеллектуалов, ориентированных на сотрудничество с СССР» [4, с. 244]. Советское правительство категорически отрицало какие-либо проблемы в деревне и, напротив, необычайно гордилось своими успехами. В резолюции ЦИК СССР в декабре 1933 г. утверждалось: «Огромная победа в этом году одержана трудящимися СССР в сельском хозяйстве, где достигнуто значительное организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов... значительно повысились урожайность и валовой сбор зерновых и технических культур, а также обеспечены улучшение и подъем животноводства. Все это в соединении с успешной борьбой против кулацких элементов обеспечило значительный рост жизненного уровня широких масс колхозников»³.

Суммируя «очевидные и общепризнанные факты», российский историк О. В. Хлевнюк отмечает, что в результате хлебозаготовок 1932 г. основные сельскохозяйственные районы страны поразил жесточайший голод, который продолжался до нового урожая. Причиной этого голода были не природные катаклизмы, а целенаправленные действия сталинского руководства, жесткой рукой изымавшего из деревни последние ресурсы, невзирая на миллионные жертвы. Голодающему крестьянству практически не оказывалась государственная помощь, являвшаяся обычным способом смягчения голода в истории досоветского и начального советского периода. Основная часть голодающих районов (прежде всего Украина и Северный Кавказ) были окружены полицейскими кордонами, не допускавшими выезд крестьян в более благополучные области, что вело к еще большему увеличению смертности [3, с. 129].

Немецкий исследователь Ш. Мерль, считающий, что «голод... стал результатом жестко проводимой государством линии на изъятие зерна» [5, с. 51], добавляет еще один аспект. Когда в конце 1932 г. участились случаи голодной смерти, правительство издало закон о паспортах с тем, чтобы вос-

препятствовать массовому оттоку населения из голодающих областей в города, продовольственное снабжение которых также оставляло желать лучшего. Милиция получила право высылать из городов крестьян, у которых не было договоров о найме с промышленным предприятием, а также препятствовать их самовольному уходу из деревни. В телеграмме, подписанной И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, местной администрации предписывалось снимать с поездов и отправлять обратно беженцев, которые назывались в документе организованными врагами советской власти. Согласно статистическим данным в связи с этой акцией были задержаны 220 тыс. человек [5, с. 50–51].

По мнению О. В. Хлевнюка, общая картина эскалации голода и факторы этой эскалации вполне изучены. Разрушение наиболее жизнеспособных крестьянских хозяйств и создание вместо них низкоэффективных колхозов, государственные реквизиции не только излишков продукции, но и значительной части основных фондов вели к сокращению посевных площадей, катастрофическому сокращению поголовья скота, падению агрокультуры. Основой этого быстро нарастающего кризиса и его главным результатом было невероятное ослабление трудового потенциала деревни [3, с. 132].

Сергей Максудов отмечает намерение государства взять необходимую долю зерна независимо от того, какой будет собран урожай и сколько зерна останется в деревне. Это делало наступление тяжелого голодного времени неизбежным⁴. Началась тотальная реквизиция последних ресурсов, включая семенные фонды и личные продовольственные запасы крестьян, в том числе законно полученные за трудодни. «Власти фактически действовали как шайка разбойников, которая вторглась в чужую страну» [3, с. 135].

Конечно, без технической реконструкции сельскохозяйственного производства, подъема общей культуры деревни нельзя было обойтись. Труд на мелких клочках земли с помощью примитивных орудий сдерживал экономическое развитие страны. Со временем мелкотоварное крестьянское хозяйство должно было измениться. Но это могло происходить естественным добровольным путем (при экономической заинтересованности крестьянства). А коллективизация в принудительной форме означала попытку проигнорировать экономические законы, интересы производителей, превратила насилие в норму и привела к массовому голоду, унесшему миллионы человеческих жизней.

³Цит. по: Максудов Сергей [Бабёнышев А. П.]. Коллективизация и голодомор [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maksudovsergei.com/> (дата обращения: 02.02.2021).

⁴Там же.

Методология исследования

В работе применена методология *historical memory studies*, т. е. исследование исторического сознания, коллективной памяти, исторической памяти. Методология основана на анализе ситуации, когда представления о прошлом, национальной истории зависят от ментальности и целеполагания конкретной социальной, национальной или иной группы. В исследовательское поле входят практики коммеморации, использование образов прошлого при формировании коллективной идентичности, деятельность различных институтов памяти, механизмы общественных дебатов о прошлом, методы работы средств массовой информации с историче-

ским материалом, преподавание истории в учебных заведениях.

Объектом изучения стала современная общественно-политическая ситуация в Украине и России, связанная с осмыслением и оценкой голода 1932–1933 гг. как в Советском Союзе в целом, так и в Украине в частности. Авторы рассматривают современную мемориальную культуру двух государств, в качестве центральных проблем выделяют вопросы региональной и национальной идентичности, формирование мифов национальной памяти. Рассмотрена трансформация мемориальных практик и законодательной базы России и Украины после распада Советского Союза.

Результаты и их обсуждение

Оценка государственной политики и властной практики в период голода 1932–1933 гг. является одним из самых дискуссионных моментов постсоветской историографии и исторической политики. В политическом и юридическом отношении для Украины и России дискуссия окончена. В Украине в 2006 г. принят закон о голодоморе 1932–1933 гг., в котором определено, что голодомор – геноцид украинского народа. Согласно социологическим опросам 86 % украинцев признают голодомор геноцидом, на уровне коллективной памяти это событие уже зафиксировано как геноцид⁵. Подобные оценки приводит и бывший глава Украинского института национальной памяти В. М. Вятрович, отмечая, что 81 % украинцев считают голодомор геноцидом⁶.

День памяти жертв голодоморов (ранее назывался Днем памяти жертв голодомора и политических репрессий) в Украине приходится на четвертую субботу ноября. Отмечается с 1998 г. (согласно Указу Президента Украины Л. Д. Кучмы от 26 ноября 1998 г. № 1310/98). Первые десять лет церемония проходила перед памятным знаком на Михайловской площади в Киеве, с 2008 г. проводится в Национальном музее голодомора-геноцида. После минуты молчания (в 16:00) по всей Украине проходит акция «Зажги свечу», в рамках которой все желающие несут свечи к памятникам жертвам.

Украина. В украинской академической среде научные дискуссии на эту тему продолжаются. Г. В. Касьянов считает, что термин «геноцид» по отношению к событиям 1932–1933 гг. употребляют прежде всего те исследователи, которые входят в Ассоциацию исследователей голодоморов в Украине, поскольку, по их оценке, он отвечает положениям

Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 г. [4, с. 258]. По мнению многих других ученых, использовать данную терминологию не следует из-за ее юридической неопределенности. А. Грациози определил ситуацию следующим образом: «...одни историки – назовем их историками категории А – называют голод 1932–1933 годов геноцидом и считают, что он был устроен искусственно с целью: а) сломать хребет крестьянству и/или б) подточить или даже вовсе уничтожить жизнеспособность украинской нации, мешавшей превращению Советского Союза в деспотическую империю. Другие историки – назовем их историками категории Б – соглашаются с тем, что сталинская политика была преступна, но настаивают на необходимости изучать голод как “сложное явление” и не забывать о том, что на намерения и решения Москвы повлиял целый ряд факторов, включая геополитическую ситуацию и стремление к модернизации экономики» [6].

Руководитель Центра исследований геноцида украинского народа В. И. Марочко подчеркивает, что современная историографическая мысль находится под косвенным политическим влиянием, одна часть исследователей пытаются опровергнуть претензии другой, и голодомор в Украине – не героическая страница нашей истории, а позорное для европейской цивилизации XX в. событие, поскольку произошло с ее молчаливого попустительства [7, с. 197]. С нашей точки зрения, после принятия государственных актов о голоде 1932–1933 гг. противостоять официальному варианту интерпретации событий историку на постсоветском пространстве становится чрезвычайно сложно.

⁵Историк Касьянов: гнусно всегда пересматривать цифры умерших от голодомора [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.com.ua/interview/20161127/1019083515.html> (дата обращения: 02.02.2021).

⁶В Национальном музее «Мемориал жертвам голодомора» открылась выставка «Люди правды» [Электронный ресурс]. URL: <http://gordonua.com/news/culture/v-nacionalnom-muzee-memorial-zhertv-golodomora-otkrylas-vystavka-lyudi-pravdy-108043.html> (дата обращения: 02.02.2021).

Поскольку аргументы как сторонников, так и противников концепции геноцида достаточно спорны, достижение академического согласия представляется маловероятным. Показательно, что участники дискуссии часто меняют собственную позицию, то признавая голод 1932–1933 гг. геноцидом, то отказываясь от такой трактовки. Например, С. В. Кульчицкий сегодня разделяет позицию признания голодомора геноцидом [8]. Однако, когда в 1988 г. коммунистическое руководство Украины поручило ему возглавить секретную комиссию по расследованию этого голода, в статье, опубликованной в 1988 г. в издании «Украинский исторический журнал», а затем в брошюре «1933: трагедия голода» он писал, что представление об организованном голоде в Украине не только глубоко ошибочное, но и иррациональное, антинаучное [9].

Г. В. Касьянов проделал путь в обратном направлении – от признания концепции геноцида до его отрицания. Так, в 2004 г. он писал: «...если абстрагироваться от современных идеологических практик и взглянуть на 1932–1933 гг. именно с позиций рационального анализа, можно вполне определенно заявить, что по всем формальным признакам, описанным в конвенции ООН 1948 г., в Украинской ССР имел место факт геноцида» [4, с. 260]. По мере накопления и осмысления фактического материала, изменения историко-политической ситуации у него появилась другая точка зрения.

Основные споры исследователей возникают именно на стадии политико-правовой оценки голода. Наибольшие споры вызывает даже не количество жертв, где определяющими являются методика и принципы статистического анализа, а толкование голода с позиции международного права, мотива применения и ответственности. «Для подкрепления тезиса о геноциде не имеет особого смысла доказывать, что голод действительно был. Общее количество жертв при этом также не имеет существенного значения. Гораздо существеннее показать, что украинцы погибали из-за своей национальной принадлежности и что голодный мор был вызван именно с таким умыслом» [5, с. 51].

С точки зрения Г. В. Касьянова, высказанной им в 2016 г., «...если мы говорим о событии такого масштаба и таких последствий, то, чтобы снять идеологическую и политическую подоплеку в этих рассуждениях, нам не стоит употреблять слово “геноцид”, которое политизировано и сейчас затерто до неузнаваемости. Чтобы отразить суть этого события, достаточно говорить о голодоморе как о преступлении

против человечности. И в этом случае мы снимаем этнические контексты. Да, действительно, это правда, подавляющее большинство умерших в Украинской ССР были этническими украинцами, поскольку почти 90 % крестьянства были этническими украинцами, и, естественно, раз голод был на территории Украины, большинство умерших составляли крестьяне. Хотя вымирали целые еврейские, польские, немецкие, болгарские села. <...> Тезис, что якобы голод был организован специально с целью уничтожения украинцев, весьма сомнителен»⁷.

Однако для украинской зарубежной исторической науки и публицистики голод 1932–1933 гг. в Украине был и остается геноцидом. Классическое обоснование этой позиции дал Р. Лемкин⁸: «То, о чем я хочу сказать, возможно, является классическим примером советского геноцида, самого долгого и широкомасштабного эксперимента по русификации. Это – уничтожение украинской нации. <...> Первый удар предназначался интеллигенции, мозгу нации, чтобы парализовать остальные части ее тела. <...> Параллельно с уничтожением интеллигенции проводились репрессии против церквей и священнослужителей – души Украины. <...> Третий удар советского плана был направлен на фермеров, большую массу независимых крестьян, которые являлись хранилищем украинских традиций, фольклора и музыки, национального языка и литературы, национального духа. Оружие, использованное против этой группы, было, пожалуй, самым страшным из всех – голод. <...> Четвертым шагом в этом процессе стала фрагментация украинского народа путем заселения Украины другими этническими группами и рассеяния украинцев по Восточной Европе. <...> Это – не просто случай массового убийства. Это – акт геноцида, уничтожения не только людей, но и культуры и нации в целом»⁹.

Современную интерпретацию концепции голодомора-геноцида можно проиллюстрировать позицией В. И. Марочки: «Мы рассматриваем голодомор украинский в соответствии с положениями конвенции ООН для осуществления его политико-правовой оценки, выяснения самого преступления и его общественного признания, а не ущемления моральных прав других народов, подвергшихся подобной катастрофе. Тезис зарубежных историков о параллельном сосуществовании голодоморов в регионах СССР как аргумент опровержения антиукраинского направления террора голодом является аморальным, а с точки зрения элементарной диалектики – бессмысленным. Если исследователи

⁷Историк Касьянов: гнусно всегда пересматривать цифры умерших от голодомора [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.com.ua/interview/20161127/1019083515.html> (дата обращения: 02.02.2021).

⁸Лемкин Р. Советский геноцид в Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://argumentua.com/stati/rafael-lemkin-sovetskii-genotsid-v-ukraine> (дата обращения: 02.02.2021).

⁹В России тексты Р. Лемкина официально оцениваются как экстремистские материалы (Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=32&> (дата обращения: 02.02.2021)).

признают причины голода, идентифицируют его как преступление, определяют административно-географические границы, в конце концов, называют его организованным, то почему они пытаются оспорить особое среди общего, а возможно, и единичное?»¹⁰ [7, с. 196].

Россия. Оценки украинских исследователей вызывают практически однозначную негативную реакцию российских коллег. В. В. Кондрашин, признанный специалист¹¹, известный ученый, а в течение определенного времени и российский политик, неоднократно формулировал это неприятие: «Первое, самое главное и важное... Эта тема уже давно выходит за рамки чисто научной дискуссии и получила общественно-политическое звучание особенно в последние годы в Украине и в настоящее время, как мы видим, начинает приобретать его и в России. Почему? Для российских исследователей, как свидетельствуют опубликованная литература, периодика, очевидным является факт, к сожалению, политической ангажированности украинских ученых, некоторые из которых, при всем моем к ним уважении, следуют не в лучших традициях советской историографии в том смысле, что следуют за желаниями власти, официальной политики государства в этом вопросе, которая неоднозначно воспринимается у нас в России. <...> Российские ученые и публицисты, как и многие зарубежные авторы, не разделяют официальную точку зрения руководства Украины и ученых Национальной академии наук Украины о голоде 1932–1933 годов в СССР как “геноциде голодомором народов Украины”»¹².

С российской стороны громче слышен голос политиков и публицистов, а государственная историческая политика¹³ России направлена в первую очередь на противодействие Украине по всему спектру исторической проблематики. Один из примеров, иллюстрирующих ситуацию, относится еще к «докрымскому» периоду, когда в 2008 г. Президент России Д. А. Медведев направил послание Президенту Украины В. А. Ющенко. В документе говорится, что «на Украине трагические события начала 1930-х годов используются, по нашему мнению, для достижения сиюминутных конъюнктурных политических целей. В этой связи упорно муссируется тезис о “целенаправленном голодоморе-геноциде украинцев”. В результате в том числе и Ваших личных усилий эта

линия даже получает законодательное оформление. Имею в виду, в частности, принятый 2 ноября 2006 г. Верховной радой и подписанный Вами закон, в котором утверждается, что “голодомор 1932–1933 годов на Украине является геноцидом украинского народа”. Упомяну и Вашу инициативу установить уголовную ответственность за отрицание изложенной в законе версии событий этого периода. <...> Голод 1932–1933 годов в Советском Союзе не был направлен на уничтожение какой-либо отдельной нации. Он стал следствием засухи и проводившихся в отношении всей страны, а не одной только Украины насильственной коллективизации и раскулачивания. <...> Решения о коллективизации принимались многонациональным руководством СССР и союзных республик, а политика насильственных продзаготовок осуществлялась в Украинской ССР преимущественно украинскими кадрами. <...> С учетом изложенного не считаю возможным свое участие в мероприятиях по случаю отмечаемой на Украине 75-й годовщины голодомора»¹⁴.

Следует отметить ряд моментов в этом послании, которые, с нашей точки зрения, заслуживают внимания, поскольку в дальнейшем будут неоднократно повторяться российскими политиками. Голодомор определяется как «так называемый». Голод не отрицается, но в качестве причины на первое место ставится засуха. Ответственность за насильственные меры возлагается прежде всего на местные кадры.

Обратим внимание на то, что подобная аргументация будет использоваться российскими официальными структурами не только по отношению к Украине, но и по отношению к «сторонникам националистических взглядов» других постсоветских государств. Так, в 2019 г. Департамент информации и печати МИД Российской Федерации выступил с комментарием «в связи с инсинуациями вокруг трагедии, вызванной голодом в СССР в 1932–1933 годах». В документе говорится: «В последнее время в информпространстве ряда государств Центральной Азии искусственно раздувается тема голода 30-х годов прошлого века.

При этом сторонники националистических взглядов навязывают общественности своих стран трактовку этого трагического события как голодомора и даже геноцида коренных народов региона, организованного руководством СССР.

¹⁰Здесь и далее перевод наш. – В. М., М. Ш., Л. Д.-Г.

¹¹В. И. Марочко говорил: «В. В. Кондрашина я очень уважаю. Это единственный историк сейчас в России, который после “могучей кучки” И. Е. Зеленина, которая, к сожалению, сейчас ушла... профессионально занимается проблемами голода» (Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? : материалы междунар. конф. «Украина и Россия: история и образ истории» (Москва, 4 апр. 2008 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (дата обращения: 02.02.2021).

¹²Там же.

¹³Историческая политика – инструментальное использование истории (или коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций) в политических целях (Касьянов Г. К проблеме дефиниций: историческая память, историческая политика // *Історія. Пам'ять. Політика* : зб. ст. / упоряд.: Г. Касьянов, О. Гайдай. Київ, 2016. С. 112–135).

¹⁴Дмитрий Медведев направил послание Президенту Украины Виктору Ющенко, посвященное проблематике так называемого голодомора [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/2081> (дата обращения: 02.02.2021).

Исторические документы свидетельствуют о том, что в результате голода, поразившего обширные районы страны, погибло около семи миллионов человек, в том числе более 2,5 миллиона в российской ее части. Голод 30-х годов имел массовый и неизбирательный характер. Он начался с сильной засухи и неурожая, на которые наслонились чрезвычайные меры правительства (крайне высокие квоты на заготовку зерна, конфискация продовольствия, запрет на торговлю продуктами). Их реализация с равной жесткостью обеспечивалась во всех без исключения земледельческих районах СССР. В силу этого рассматривать общую для народов СССР трагедию как целенаправленное истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам по меньшей мере лишено каких-либо оснований, а по большей – умышленная провокация, направленная на разжигание антироссийских настроений и межнациональной розни в дружественных нам странах с большим числом русскоязычного населения. Трагические ошибки, приведшие к голоду, были признаны уже в 1933 году. Тогда же советское правительство организовало масштабную продовольственную помощь пострадавшим регионам, включая Центральную Азию»¹⁵.

В комментарии не называются виновники гибели миллионов людей, а советское правительство выступает как организатор помощи пострадавшим от неизвестно чьих трагических ошибок.

«Украина – не Россия»¹⁶. Возвращаясь к украинской ситуации, подчеркнем, что упомянутое нами послание 2008 г. было политическим документом, отражавшим негативные взаимоотношения российского и украинского истеблишмента. Когда пост Президента Украины занял В. Ф. Янукович, российский лидер нашел возможность посетить Киев и почтил память жертв голодомора. В сообщении РИА «Новости» уже не употреблялась формулировка «так называемый голодомор» и подчеркивалось, что «...события тех лет долгое время были предметом расхождения между Москвой и Киевом. <...> Бывший

украинский президент Виктор Ющенко заявлял, что голод 1930-х годов был геноцидом украинского народа, и пытался убедить в этом мировое сообщество.

Янукович, возглавивший Украину два с половиной месяца назад, в апреле на встрече с парламентариями ПАСЕ [Парламентская ассамблея Совета Европы] заявил, что признавать голодомор фактом геноцида того или иного народа будет неправильно, несправедливо, так как это была общая трагедия»¹⁷.

Однако сближение позиций продолжалось недолго. В 2010 г. Апелляционный суд Киева подтвердил предварительные выводы Службы безопасности Украины. Среди виновных в организации голода были названы И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, П. П. Постышев. В постановлении суда были указаны цифры людских потерь Украины от голодомора: 10 млн 63 тыс. человек. Из них 3 млн 941 тыс. человек погибли непосредственно от голода, нерожденные составляют 6 млн 122 тыс. человек. Вердикт суда не содержал претензий к Российской Федерации как к правопреемнице Советского Союза. Тем не менее председатель Государственной думы России Б. В. Грызлов заявил, что решение украинского суда направлено на то, чтобы рассорить Украину с Россией¹⁸. Терминология и аргументация, используемые официальными лицами, повторяются, становятся привычными, заполняют средства массовой информации и, безусловно, оказывают влияние на корпорацию историков.

Сергей Максудов, бывший диссидент и сторонник нынешней российской исторической политики¹⁹, писал: «Признание украинского народа жертвой геноцида позволяет показать пальцем на палача, виновного в трагедии, и возложить ответственность на Кремль, Москву, а заодно на Россию и русский народ»²⁰. Этот штамп повторяется сегодня почти всеми российскими политиками, а вслед за ними и российскими историками. Нам представляется, что в данной позиции происходит как смешение, так и искажение понятий. О смешении мы можем говорить потому, что ставится знак равенства,

¹⁵Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с инсинуациями вокруг трагедии, вызванной голодом в СССР в 1932–1933 годах [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3540615 (дата обращения: 02.02.2021).

¹⁶Мы используем название книги второго Президента Украины Л. Д. Кучмы, опубликованной в 2003 г.

¹⁷Медведев и Янукович почтили память жертв голодомора 1930-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/20100517/235339510.html> (дата обращения: 02.02.2021).

¹⁸Народецкий А. Голодомор в Украине предан суду. Может, это когда-нибудь аукнется в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: http://rus.azattyq.org/a/ukraine_golodomor_famine/1939787.html (дата обращения: 02.02.2021).

¹⁹В интервью прессе он указывал: «Очень важные и теплые отношения связывали меня с историком Виктором Петровичем Даниловым и группой его сослуживцев и учеников. Их работы времен оттепели были для меня самым ценным источником по истории коллективизации. Когда во время моего приезда в Москву я познакомился с ними, Н. А. Ивницкий сказал мне, что он насчитал в моей книге 150 ссылок на его труды. Это было действительно так, я чувствовал в его материалах какую-то высокую достоверность. И я оказался прав. Оказалось, что он в годы оттепели был допущен в президентский архив, где переписал большое количество документов. Его записки были пересланы в спецчасть института истории, где он вторично переписал их и без ссылок включал в свои публикации. Сейчас мы переписываемся с учеником Данилова Виктором Викторовичем Кондрашиным» (Интервью с юбиляром // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/print.php> (дата обращения: 02.02.2021)).

²⁰Максудов Сергей. Коллективизация и голодомор...

во-первых, между русским народом и Кремлем (Москвой) и, во-вторых, между русским народом и многонациональной Россией. А об искажении идет речь, поскольку ни в одном из современных украинских документов, оценивающих голод 1932–1933 гг., не говорится об ответственности русского народа²¹.

А в отношении возможности «показать пальцем на палача, виновного в трагедии», если не пользоваться сленгом, а вернуться к терминологии, принятой в научном сообществе, т. е. назвать властные структуры и персоналии, ответственные за гибель миллионов людей, позиции современных историков вне зависимости от страны проживания не противоречат друг другу. Сам Сергей Максудов признает: «Искусственный характер голода, если не вызванного, то, бесспорно, многократно усиленного действиями советского правительства, признается сегодня большинством ученых во всем мире. <...> Несомненно, что коллективизация и голод являются чудовищными преступлениями против человечества и что ответственность за них несет Коммунистическая партия большевиков тех лет, в первую очередь ее руководство и весь руководящий аппарат ОГПУ»²².

Почему же тогда возникает такое резкое неприятие украинской исторической политики и историографии голода 1932–1933 гг.? Недовольство тем, что украинские власти и украинские историки говорят и пишут об украинской трагедии, представляется необоснованным. Национальная история, как и национальная историческая политика, совершенно естественно находится в центре внимания в процессе национально-государственного строительства, которое необходимо сейчас всем постсоветским независимым государствам. Соотношение степени «советскости» и независимости отличается в каждом из государств, но все, включая Россию, еще только начали писать свою национальную историю, находятся в процессе выстраивания прошлого, которое могло бы стать основой самоидентификации. Исторические события интерпретируются по-разному, часто с противоположных позиций, прошлое закономерно приобретает и героические, и трагические черты.

Может быть, проблема не только и не столько в украинской позиции, сколько в отношении рос-

сийской власти к сталинскому режиму. Как отмечал А. И. Миллер, «...российская историография тут попадает в ловушку, потому что в России ведь что происходит: с одной стороны, мы должны дать достойный ответ клеветникам по поводу голодомора. Поэтому мы должны защищать Сталина и говорить, что он не хотел... <...> Вся история с голодом 1932–33 года – часть заметно более широкой проблемы в российской историографии: что мы до сих пор не можем сказать, что это был чудовищный, преступный, античеловеческий режим. Он был по-другому античеловеческий режим, чем нацистский, он не уничтожал людей по расовому признаку, но все равно чудовищный, и чем скорее мы вынесем этот однозначный вердикт, тем скорее нам станет проще не только в отношениях с Украиной или с кем-то еще, но и в отношениях с самими собой»²³.

Сотрудник общества «Мемориал» Н. В. Петров в связи с этим объяснил, почему в России всячески уклоняются расследовать события, связанные с голодом 1932–1933 гг. По его мнению, Кремль совершенно не заинтересован в раскрытии преступлений сталинизма, ибо выбрана другая тактика, согласно которой российское руководство пытается представить советскую историю как исключительно историю славы, побед и успехов²⁴.

Более того, как отмечал чешский советолог В. Вебер, в российской историографии практически нет более конкретных результатов исследований, посвященных «другой части баррикады» – крестьянскому сопротивлению в годы коллективизации и голода. «Это бесславие русской историографии, – подчеркивал он, – что о сопротивлении мы многое не знаем (за исключением статистики ОГПУ). Мы не знаем конкретной деятельности, лидеров, их планы, программные положения и т. д. Это неизвестные герои в полном смысле этого слова» [10, с. 50].

Однако в реальности происходит другое: «эффективному менеджеру» И. В. Сталину ставят памятники, на его могилу у Кремлёвской стены возлагают цветы, социологические опросы показывают постоянный рост популярности «сталинского мифа». Российский историк Ю. А. Борисёнок, подводя итоги дискуссии в редакции журнала «Родина», говорил: «Иосиф Виссарионович не был так велик и демоничен, как до сих пор кажется многим коллегам. Чем больше появляется достоверных источников

²¹ Даже в период наибольшего обострения российско-украинских отношений в речи 24 ноября 2018 г. на панихиде по жертвам голодомора 1932–1933 гг. Президент Украины П. А. Порошенко говорил об ответственности российского государства, а не народа: «Историческая ответственность за голодомор лежит на Российской Федерации как правопреемнице СССР, и это преступление не имеет срока давности. Голодомор был устроен Кремлем» (Порошенко: Исторична відповідальність за голодомор – на Російській Федерації // Українська правда [Электронный ресурс]. 2018. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2018/11/24/7199187/> (дата обращения: 02.02.2021)).

²² Максудов Сергей. Коллективизация и голодомор...

²³ Россия – Украина: как пишется история [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/10/golodomor/> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁴ Народецкий А. Голодомор в Украине предан суду...

о событиях начала 1930-х годов, тем явственнее просматривается, что это не организованный (тем более одним человеком) голод, а несовершенство всей большевистской системы. Торжествующая доктрина не сочеталась с реально существующим аграрным сектором, и в борьбе с ним применялись разнообразные и почти всегда неэффективные методы. Гибель миллионов людей была вызвана не тревогой Сталина по поводу возможного отделения Украины от СССР, а следствием куда более серьезного явления – вопиющего несовершенства всей системы управления государством (именно оно затем и погубило Советский Союз)²⁵.

И. Е. Кознова подчеркивает, что «в Украине и в России сложились разные траектории исторической памяти о голоде 1932–1933 гг., отличаются и состояния общественного сознания в отношении к этим событиям. <...> Это два совершенно разных полюса государственной политики памяти. Уже с конца 1980-х гг. и вплоть до настоящего момента тема голода в Украине – это тема № 1. Причем с точки зрения описанных в литературе моделей восприятия событий прошлого память о голоде в Украине предстает как “катастрофа” (“память жертвы”). В России акценты официальной политики в отношении событий коллективизации и связанного с ними голода были расставлены иначе. <...> У россиян сильнее память о голодных военных и послевоенных годах. <...> На мой взгляд, в России память о коллективизации и сопровождавшем ее голоде оказалась вытесненной (и на официальном и на низовом уровне) памятью о Великой Отечественной войне. Память о войне – это “память-триумф” (геройство и жертвенность), это другой (в отличие от “памяти-катастрофы”) вектор проработки прошлого, формируемой культурной памяти»²⁶.

Международная реакция. Э. Эпплбаум отмечает, что «долгие годы западные левые вали во имя Сталина и советской системы»²⁷. На практике получалась некая совместная постановка, которую иностранные интеллектуалы и политики разыгрывали вместе с советским руководством. Советский Союз старался создать иллюзию благополучия в колхозной деревне, а «западные пилигримы» делали вид, что не замечают постановочного характера того, что им преподносилось как советская реальность. «Так происходило с премьер-министром Франции Эдуардом Эррио, архиепископом Кентерберийским и самим Бернардом Шоу, прославлен-

ным и противоречивым ирландским драматургом. Он посетил СССР в один из худших голодных периодов и описал свое пребывание несколько фривольно: “Никогда я так хорошо не ел, как во время моей поездки в Россию”²⁸. Кто-то из западных деятелей руководствовался политическими интересами, кто-то – своими идеалистическими концепциями, кто-то – прямой материальной выгодой.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» У. Дюранти даже получил в 1932 г. Пулицеровскую премию за серию восторженных репортажей о жизни в СССР. Одна из статей 1933 г. называлась «Русские голодают, но не умирают от голода». Почему он отказался от правды? «“Любые отчеты о голоде в СССР являются простым преувеличением или злой пропагандой. Никакого голода нет, и никто не умирает от истощения”, – писал журналист вскоре после получения знаменитой премии. <...> Сталин знал, что со временем заполучит Дюранти, если обеспечит ему настолько высокое качество жизни в Москве, что тот полностью потеряет интерес к трагедиям остальной части страны. Ему была предоставлена прекрасная квартира и роскошный автомобиль с шофером для поездок к русской любовнице. Он получил доступ к государственной информации (той, которую Сталин хотел распространить) и даже смог дважды взять интервью у Сталина, что являлось огромной привилегией»²⁹.

Можно ли было действительно не видеть того, что происходило в стране, и искренне верить сталинской пропаганде? Конечно, сегодня это риторический вопрос, но, судя по свидетельствам современников, о голоде знали все. Академик Д. С. Лихачёв вспоминает: «О голоде на селе мы знали по рынкам. Крестьянки (все только женщины) с цеплявшимися за их платья детьми продавали на рынках за бесценок шитые полотенца: самое дорогое, “бабушкино”, что смогли захватить с собой, убегая от коллективизации. Беженки! Я знал, что такое беженцы, по Первой мировой войне и по гражданской. Но это было несравнимо. О тех заботились... Беженцы из деревень с детьми ночевали зимой 1933 г. на лестницах домов. Вскоре дворникам было велено их не пускать, но они приходили поздно, а утром, идя на работу, любой мог обнаруживать следы их ночевки; я видел, что кто-то живет на верхнем этаже лестницы, где была наша квартира. Большое окно, большая площадка, на ней ночевало несколько семей с детьми» [11, с. 268–269].

²⁵Голодомор: история и мифы. Дискуссия историков // Родина. 2007. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://tverdyi-znak.livejournal.com/14982.html> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁶Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁷Голодомор – политическое оружие Сталина [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/social/20180403/241879359.html> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁸Израэль В. Почему «Нью-Йорк таймс» скрывала ужасающие преступления Сталина в 1930-е годы? [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/social/20190217/244589837.html> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁹Там же.

Конечно, были западные писатели, политики, журналисты, которые совершенно по-другому оценивали советскую реальность. Зарубежные журналисты первыми сообщили о голоде 1932–1933 гг. Англичанин М. Магеридж в марте 1933 г. в статьях о поездке по Украине и Северному Кавказу в газете «Манчестер гардиан» показал массовую гибель крестьян, но не привел конкретных данных. Первые количественные оценки погибших от голода появились в августе 1933 г. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала материал Р. Барнса, в котором говорилось об 1 млн смертей от голода. Иностранные журналисты не владели статистической информацией, но пытались донести до своих стран, что в СССР творится что-то страшное [12, с. 137].

Корреспондент газет «Манчестер гардиан» и «Нью-Йорк ивнинг пост» Г. Джонс писал: «Я ходил по деревням и колхозам. Везде я слышал один и тот же крик: “Нет хлеба! Мы умираем!”»³⁰. В 2015 г. в Национальном музее голодомора-геноцида в Киеве открылась выставка «Люди правды». «Экспозиция посвящена тем, кто не боялся рассказывать правду об ужасном преступлении сталинизма». <...> Советник главы Администрации Президента Украины Н. Попович сообщила, что в ближайшее время планируется основать премию имени Гарета Джонса. “Этот британский журналист был одним из первых западных корреспондентов, который начал рассказывать правду о голодоморе”³¹.

А. Ассман, анализируя состояние мемориальной культуры в постсоветских и посткоммунистических государствах, отмечала, что «...государства, получившие независимость после крушения Восточного блока, основывали свою идентичность... преимущественно на роли жертвы, сделав травматическую историю сталинских репрессий и советской оккупации коллективной опорой отношения к прошлому. <...> При этом жертвенные нарративы обычно отнюдь не фиктивны; они основаны на реальном историческом опыте и глубоких долговременных травмах» [13, с. 159]. На этот аспект обращал внимание и Г. В. Касьянов. «Миф о многострадальности той или иной нации является общим практически для всех историографий периода “национальных возрождений” не только в Европе, но и во всем мире (собственно, он является необходимой частью сценария “национального возрождения”). На постсо-

ветском пространстве он пользуется особой популярностью» [4, с. 266].

В отличие от всех постсоветских государств российская власть, позиционирующая себя как силу, поднимающую Россию с колен, правопреемницу одновременно и Советского Союза, и Российской империи, хочет видеть в советском прошлом триумфальное шествие, призывает не очернять историю. Сторонниками подобной позиции сегодня выступают многие (большинство?) известные российские историки, публицисты, политологи. Например, Г. О. Павловский пишет: «Сегодня политика памяти в Европе, Америке и Азии превращается в эквивалент идеологических войн прошлого. Проблема с политикой памяти в России состоит в том, что ее нет, и это отсутствие уже стало важным спектрообразующим фактором русской политики. <...> Метод гласности состоял в выкрикивании оскорблений в адрес прошлого. Советскую цивилизацию свели к цепи преступлений, в соучастии с ними уличали ее авторитетов, как покойных, так и любых, кто еще мог возразить»³².

Можно принимать или не принимать концепцию геноцида украинского народа, но, высказав и обосновав свою точку зрения, следует признать право другой стороны на собственную позицию, право на память о миллионах безвинно погибших людей и право на осуждение тех, кто довел этих людей до голодной смерти.

После публикации своего исследования «Красный голод» Э. Эпплбаум пыталась объяснить, что это не антироссийская книга. «Речь в ней идет о преступлениях советского режима. И несмотря на то что Путин считает современную Россию продолжательницей советской империи и полагает, что развал Советского Союза был одной из крупнейших катастроф XX столетия, мне думается, что эти вещи все же стоит разделять», – заявила автор на презентации своей книги, состоявшейся в рамках дней истории в Копенгагене³³.

Тем исследователям, которые изначально не стояли на проукраинской или пророссийской позиции, а стремились объективно разобраться в ситуации 1932–1933 гг., приходится объяснять, что их публикации не являются антироссийскими или антиукраинскими. Но резкой критике они подвергаются с обеих сторон. Так, книга Э. Эпплбаум, представлявшаяся российским пропагандистам

³⁰Цит. по: *Израэль В.* Как корреспондент «Нью-Йорк таймс» скрыл сталинские преступления и получил Пулицеровскую премию [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/history/20180811/242967784.html> (дата обращения: 02.02.2021).

³¹В Национальном музее «Мемориал жертвам голодомора» открылась выставка «Люди правды» [Электронный ресурс]. URL: <http://gordonua.com/news/culture/v-nacionalnom-muzee-memorial-zhertv-golodomora-otkrylas-vystavka-lyudi-pravdy-108043.html> (дата обращения: 02.02.2021). Напомним, что фильм «Гарет Джонс» польского режиссера А. Холланд в 2019 г. был номинирован на премию «Золотой медведь» на 69-м Берлинском международном кинофестивале.

³²*Павловский Г.* Плохо с памятью – плохо с политикой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj> (дата обращения: 02.02.2021).

³³Голодомор – политическое оружие Сталина [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/social/20180403/241879359.html> (дата обращения: 02.02.2021).

антироссийской, оказалась антиукраинской некоторым украинским специалистам. Например, В. И. Марочко писал: «Презентация “Красного голода” на украинском языке развеяла какие-либо сомнения: лауреат Пулицеровской премии отрицает геноцидную составляющую голодомора в Украине, подвергает сомнению его юридическую квалификацию согласно положениям конвенции 1948 г., сознательно занижает общее количество жертв искусственного голода. <...> Под влиянием советчиков автор становится на позицию признания факта общесоюзного голода. Он является историографической схемой, даже идеологемой, которыми пользуются российские и отдельные украинские историки для нивелирования геноцидной составляющей и национальной особенности причин, обстоятельств и последствий голодомора в Украине»³⁴.

Когда А. Грациози сформулировал концепцию, согласно которой общесоюзный голод 1931–1933 гг. с определенного момента превратился в Украине и на Северном Кавказе в голодомор [14], то столкнулся с непониманием как с украинской, так и с российской стороны. Итальянский историк считал, что «...сегодня мы обладаем запасом сведений, позволяющим предложить новую, более удовлетворительную интерпретативную гипотезу, которая учитывала бы и общесоветский контекст, и значение национального вопроса. Ее можно построить на основе превосходных работ, опубликованных в последние годы украинскими, русскими и западными историками, и тем самым разрушить ту стену, которая до сих пор в той или иной степени разделяет этих исследователей. <...> Надеюсь, что моя гипотеза поможет не только лучше понять сам феномен “великого голода” (общее название всех эпизодов 1931–1933 годов, связанных с массовым голодом), но и вызовет дискуссию, благодаря которой рухнет та по-прежнему высокая и прочная стена, которая до сих пор отделяет исследователей голода от историков европейского XX столетия – столетия, которое просто невозможно ни понять, ни оценить, если не признать голод на Украине неотъемлемой частью его истории» [6].

Лишь немногие исследователи, в частности О. В. Хлевнюк, согласились с такой позицией. «Многочисленные документы подтверждают точку зрения А. Грациози о коренном изменении сталинской политики в конце 1932 г. Начавшись как нежелательное и в этом смысле “случайное” (хотя и вполне предсказуемое) следствие сталинской политики коллективизации, голод приобрел особую

остроту в результате дополнительных действий (бездействия) властей в конце 1932 – начале 1933 г. Дискуссионным остается вопрос о причинах этих вполне осознанных действий Сталина» [3, с. 140].

Оценки большинства российских и украинских специалистов были значительно более резкими. По мнению В. И. Марочко, аргументация А. Грациози представляется очень неожиданной. «Он признает антиукраинской политику Сталина, фактически доказывает его персональную ответственность за причастность к созданию голодомора, признает 20–30 % потерь этнического украинского населения, цитирует положения конвенции, но выражает сомнение в отношении геноцида, правда, со знаком условности: “Был украинский голод геноцидом? Очевидно, следует ответить “нет”, если принять тезис, что целью скрываемого режимом (или Россией, что, впрочем, выглядит неправдоподобно) голода было уничтожить украинский народ”» [7, с. 195].

Была ли у голода 1932–1933 гг. «украинская специфика»? На наш взгляд, отрицать это невозможно и бессмысленно. Точно так же как специфику Кубани, Северного Кавказа, Казахстана и других регионов СССР. Точно так же как признание голода общесоюзной трагедией. Украинский историк Ю. И. Шаповал сформулировал подобный подход следующим образом: «...антиукраинская направленность действий сталинского режима все-таки имела место. Не видеть это – значит выпрямлять голодную ситуацию начала 1930-х. Видеть и понимать это – не означает игнорировать ситуацию, которая тогда сложилась в Казахстане или в российских областях»³⁵.

Сформулированная позиция украинского историка не противоречит подходу российского исследователя В. В. Кондрашина. «Внимательное изучение источников указывает на единый в своей основе механизм создания голодной ситуации в зерновых районах страны. Повсюду – это насильственная коллективизация, принудительные хлебозаготовки и госпоставки других сельскохозяйственных продуктов, раскулачивание, подавление крестьянского сопротивления, разрушение традиционной системы выживания крестьян в условиях голода (ликвидация кулака, борьба с нищенством, стихийной миграцией и т. д.). Самое главное, что шел процесс одновременного вхождения коллективизированных регионов СССР в голод»³⁶. В такой историографической ситуации, когда базовые оценки ученых практически совпадают, можно было ожидать сотрудничества академического сообщества. Однако этого не произошло.

³⁴Марочко В. Голодомор-геноцид: отрицание пулицеровскими лауреатами [Электронный ресурс]. URL: <http://zn.ua/article/print/HISTORY/golodomor-genocid-otricanie-pulitcerovskimi-laureatami-287384.html> (дата обращения: 02.02.2021).

³⁵Голод по-большевистски: организаторы и вдохновители // Родина. 2007. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://tverdyyi-znak.livejournal.com/14412.html> (дата обращения: 02.02.2021).

³⁶Там же.

Заклучение

Дискуссия российской и украинской сторон сегодня превратилась в выстраивание схемы реверсивной истории, основанной на проекции настоящего положения дел в прошлое. О. В. Хлевнюк совершенно справедливо, с нашей точки зрения, считает, что, кроме политических факторов, важной причиной нерешенности многих аспектов истории голода 1932–1933 гг. «...является полное закрытие ряда существенных архивных фондов, прежде всего тематических папок политбюро в Архиве Президента Российской Федерации. Только обнародование этих документов во всей их полноте, исследование потоков информации о голоде, поступавшей руководству страны, а также его реакции на эту информацию

могут поставить точку в явно затянувшейся и все более запутанной дискуссии» [3, с. 153]. Такую же точку зрения высказывает и польский историк Т. А. Ольшанский: «...пока московские архивы будут закрыты, ответов на все вопросы, и, главное, был ли голодомор результатом преступного решения, мы знать не будем»³⁷. В силу закрытости российских архивов найти принципиально новые свидетельства не представляется возможным и историки прибегают к официальной государственной аргументации. Обыгрывая название известного голливудского блокбастера, мы можем говорить о том, что «голодные игры» стали реальностью в современной политике памяти постсоветских государств.

Библиографические ссылки

1. Левчук НМ, Боряк ТГ, Воловина О, Рудницький ОП, Ковбасюк АБ. Втрати міського й сільського населення України внаслідок голодомору в 1932–1934 рр.: нові оцінки. *Український історичний журнал*. 2015;4:84–112.
2. Данилов В, Маннинг Р, Виола Л, редакторы. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 3. Конец 1930–1933*. Москва: РОССПЭН; 2001. 1008 с.
3. Хлевнюк ОВ. *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. Москва: РОССПЭН; 2010. 479 с. (История сталинизма).
4. Касьянов Г. Разрытая могила: голод 1932–1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании. *Ab Imperio*. 2004;3:237–269.
5. Мерль Ш. Голод 1932–1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? *Отечественная история*. 1995;1:49–61.
6. Грациози А. Советский голод и украинский голодомор. *Отечественные записки* [Интернет]. 2007 [процитировано 2 февраля 2021 г.];1(34). Доступно по: www.strana-oz.ru/2007/1/sovetskiy-golod-i-ukrainskiy-golodomor.
7. Марочко ВІ. Сучасна зарубіжна історіографія голоду 1932–1933 рр. в Україні. *Український історичний журнал*. 2006;3:186–199.
8. Меньковский ВІ. Рецензия на: Stanislav Kulchytsky. *The Famine of 1932–1933 in Ukraine. An Anatomy of Holodomor*. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2018. *Ab Imperio*. 2019;4:219–224.
9. Кульчицький СВ. До оцінки становища в сільському господарстві УСРР у 1931–1933 рр. *Український історичний журнал*. 1988;3:15–27.
10. Veber V. *Rudý car. Stalin v čele Sovětského svazu v letech 1924–1953*. Praha: Stanislav Juhaňák – Triton; 2016. 192 s.
11. Лихачёв ДС. *Воспоминания*. Санкт-Петербург: Logos; 1995. 519 с.
12. Ісакова НІ. Історіографія проблеми голодомору 1932–1933 рр. в українській та зарубіжній літературі. *Сторінки історії*. 2012;33:135–146.
13. Ассман А. *Новое недовольство мемориальной культурой*. Москва: Новое литературное обозрение; 2016. 232 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
14. Грациози А. *Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933*. Москва: РОССПЭН; 2008. 136 с. (История сталинизма).

References

1. Levchuk NM, Borjak TG, Volovyna O, Rudnyckiy OP, Kovbasjuk AB. [Losses of urban and rural population of Ukraine as a result of the Holodomor in 1932–1934: new estimates]. *Ukrainian Journal of History*. 2015;4:84–112. Ukrainian.
2. Danilov V, Manning R, Viola L, editors. *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. Tom 3. Konec 1930–1933* [The tragedy of the Soviet village. Collectivisation and dispossession. Documents and materials. Volume 3. End of 1930–1933]. Moscow: ROSSPEN; 2001. 1008 p. Russian.
3. Khlevnyuk OV. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [Master of house. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN; 2010. 479 p. (Istoriya stalinizma). Russian.
4. Kasianov G. The open grave: the 1932–1933 famine in Ukrainian historiography, politics, and mass consciousness. *Ab Imperio*. 2004;3:237–269. Russian.
5. Merl' Sh. [Famine of 1932–1933 – genocide of Ukrainians for the implementation of the policy of Russification?]. *Otechestvennaya istoriya*. 1995;1:49–61. Russian.
6. Gratsiozi A. [Soviet famine and Ukrainian Holodomor]. *Otechestvennye zapiski*. [Internet]. 2007 [cited 2021 February 2];1(34). Available from: www.strana-oz.ru/2007/1/sovetskiy-golod-i-ukrainskiy-golodomor. Russian.

³⁷ Ольшанский Т. 80 лет назад: как голод убивал Украину [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20140126/216866555.html> (дата обращения: 02.02.2021).

7. Marochko VI. [Contemporary foreign historiography of the famine of 1932–1933 in Ukraine]. *Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal*. 2006;3:186–199. Ukrainian.
8. Menkouski VI. Review of: Stanislav Kulchytsky. The Famine of 1932–1933 in Ukraine. An Anatomy of Holodomor. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2018. *Ab Imperio*. 2019;4:219–224. Russian.
9. Kul'chits'kii SV. [To assess the situation in agriculture of the USSR in 1931–1933]. *Ukraïns'kij istorichnij zhurnal*. 1988;3:15–27. Ukrainian.
10. Veber V. *Rudý car. Stalin v čele Sovětského svazu v letech 1924–1953* [Red Tsar. Stalin led the Soviet Union in 1924–1953]. Praha: Stanislav Juhaňák – Triton; 2016. 192 s.
11. Likhachev DS. *Vospominaniya* [Memories]. Saint Petersburg: Logos; 1995. 519 p. Russian.
12. Isakova NP. [Historiography of the Holodomor problem of 1932–1933 in Ukrainian and foreign literature]. *Storinky istorii*. 2012;33:135–146. Ukrainian.
13. Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New dissatisfaction with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2016. 232 p. (Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyi zapas»). Russian.
14. Graciozi A. *Velikaya krest'yanskaya voina v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917–1933]. Moscow: ROSSPEN; 2008. 136 p. (Istoriya stalinizma). Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2021.
Received by editorial board 08.02.2021.